

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Дина
КОНСТАНТИНОВА

ТАЙНИК
НА КУТУЗОВА

Дина Константинова

Тайник на Кутузова (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=590575

Тайник на Кутузова (сборник: Центрполиграф; М.; 2008

ISBN 978-5-9524-4010-4

Аннотация

По настоянию шефа Маргарита Ромашкина отправилась в Калининград в компании немца Клауса, одержимого прошлым своего деда, – поручение скучное и на первый взгляд абсолютно безопасное. В далеком городе их встретил заснеженный особняк. Он хранил в себе тайну, которая притягивала Клауса, словно магнит. Рита твердо решила вывести занудного скрягу на чистую воду. Интуиция помогла ей понять, что его трогательная история явно шита белыми нитками...

Содержание

Тайник на Кутузова	4
Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	45
Глава 4	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Дина Константинова

Тайник на Кутузова

Тайник на Кутузова

Повесть

Глава 1

Все праздники остались позади. Вернее, почти что все. Отгремел Новый год, отшумело Рождество. Впереди оставался старый Новый год, праздник, который заставляет иностранцев удивленно приподнимать брови. Как так? Они не могут понять, как это может быть – СТАРЫЙ Новый год и зачем отмечать праздник по старому календарю, когда его, календарь, давным-давно поменяли. Впрочем, ну их, иностранцев. Они многое не могут понять. А мы, русские, много не можем объяснить, хотя сами понимаем. Для того чтобы понять некоторые вещи, надо просто-напросто быть русским. Так, каждый из нас понимает фразу: «Загадочная русская душа» – и полностью с ней согласен. Но вряд ли кто-то сможет объяснить иностранцу, в чем именно кроется эта самая загадка.

Итак, черед праздников медленно, но верно подходила к концу. Честно говоря, я очень устала и вот уже второй день «шифровалась», не отвечая на звонки. Я устала есть, пить, слушать пьяный бред знакомых и друзей. Очень хотелось покоя душе и телу. Хотя бы временного...

Мою поездку в Прагу отменили. Жак сказал, что произошли какие-то непредвиденные изменения. Ну а я не стала вдаваться в подробности. Хотя, положив руку на сердце, расстроилась – уж очень хотелось посмотреть Прагу зимой. Такая, наверное, красота!

За окном падал снег. Медленно, неслышно падал и падал... Я налила чаю, залезла на подоконник, окинула взглядом свою крошечную кухню. И чего я до сих пор тут живу? У меня есть деньги, чтобы купить нормальную, просторную квартиру. Или даже дом. Так почему я до сих пор здесь? Я тут же себе ответила – потому что здесь, в этой маленькой тесной квартирке, есть что-то неопишваемое, родное, любимое, чего нельзя выразить словами. По крайней мере, у меня это не получалось. Даже старый чайник в красный горошек казался родным... Фу, что это я? Надо же, сентиментальная какая! Чайник в горошек... Нет, что ни говори, пора думать о покупке нормального жилья. Тем более что мне здесь стало элементарно тесно – объем моих покупок явно превысил объем шкафа, комода и антресолей. А ставить еще один шкаф просто некуда. Так почему бы мне не заняться поиском подходящего жилья?

В момент, когда я прикидывала все за и против относительно квартиры, зазвонил телефон. Гадая, кто это, мама или кто-то из друзей, посмотрела на номер. Это была ни мама, ни Таня, ни Наташа. Это был Жак. «Прага! – тут же проскочило у меня в мозгу. – Ну конечно, Прага!»

– Слушаю, босс, – пропела я в трубку, предвкушая, как меня обрадуют поездкой.

– Надеюсь, не отрываю от непрерывного застолья? – как всегда вежливо справился тот.

– Ни в коем случае.

– Замечательно...

За время «сотрудничества» с Жаком, моим боссом, аферистом сомнительного происхождения, франко-загадочного разлива, я отлично выучила все интонации его «бесцветного» голоса. И теперь, услышав это «замечательно», тут же поняла – Праги не будет.

– Рита, – мягко сказал он, – к нам едет ревизор.

– Ревизор? – Я, признаться, не поняла юмора.

– Ну, не совсем ревизор. Едет мой давний приятель, немец. Он хочет отыскать дом его деда, который бежал во время войны, когда наступала Красной армия.

– У нас до войны жили немцы? – решила уточнить я, мысленно прокручивая в голове обрывки советской истории.

– Да. В Калининграде. Бывшем Кенигсберге. Бывали там?

В Калининграде я не бывала и, если честно, не особо жаждала там побывать. Я бы предпочла поездку в Прагу. Ну или,

скажем, в Варшаву. А тут – Калининград. Очень надо! Наверное, я так сильно приуныла, что это тут же отразилось на интонации моего голоса.

– Не особенно рады, да? – сочувственно сказал Жак и тут же добавил: – Но ехать надо. Кроме вас, просто некому.

– Я буду нянькой при немце, который станет искать какой-то дом? – разочарованно уточнила я, глядя в окно на падающий снег.

– Ну зачем вы так? Не нянькой, а сопровождающей.

– Ладно. – Я тяжело вздохнула, мысленно помахала ручкой заснеженным шпилям Праги. – На каком языке изъясняется ваш приятель?

– Он довольно сносно говорит по-русски, – сообщил Жак. – Вы встретите его послезавтра в Калининграде. Он прибудет поездом из Берлина. Вагон номер семь.

– То есть завтра мне надо вылететь в Калининград? – уточнила я, прикинув, что времени на сборы у меня в обрез.

– Можете лететь хоть сегодня...

– Спасибо, что дали время на подготовку, – усмехнулась я, направляясь к шкафу.

– Дорогая, я сам не ожидал, что он нагрянет так внезапно.

Нажав кнопку отбоя, я выругалась так, как не ругалась очень давно. Черт бы побрал его, этого немца, вместе с домом его деда. Мало того что вместо Праги мне подсунули Калининград, так еще и с немцем! По моему твердому убежде-

нию, нуднее и скучнее нации просто не существует на земле. Естественно, тут же перед глазами вырисовался образ некоего тощего блондина, похожего на Ганса. Да что говорить, у меня теперь все немцы ассоциируются с Гансом, по-другому просто не выходит.

Интересно, где сейчас Ганс? Ганс, с которым судьба меня натурально столкнула в очень темном переулке пару лет назад и благодаря которому я сейчас занимаюсь тем, чем занимаюсь, и работаю на того, на кого работаю? Он, этот человек, так и остался для меня загадкой, несмотря на то что мы много раз были в «деле» вместе. Ганс сочетал в себе умение хладнокровно убивать и петь серенады возлюбленной. Он поражал своей резкостью и грубостью и в тот же момент удивлял отменными качествами дипломата. Он мог быть кем угодно – все зависело от обстоятельств. Но вот кем он был на самом деле, я так и не поняла. А внешность... Любой мог помнить только одно – он был некрасивым. А спроси, каким именно он был, вряд ли бы кто-то смог описать. Наверное, именно потому, что он был блеклый, как лист бумаги, ему удавалось так ловко трансформироваться. Стоит отметить, что это очень ценное качество для человека нашей «профессии». Будь он жгучим брюнетом с оливковыми глазами, наверняка бы уже давно мерил шагами камеру какой-нибудь тюрьмы... Но у него не было особых примет. У него вообще не было примет.

Вздохнув, я распахнула шкаф и принялась перебирать ве-

шалки. Вечернее платье? В сторону... Зачем оно мне? Я же не по театрам буду ходить. Мама мия, какая тоска меня ожидает! Неделя в обществе немца да еще в качестве няньки! Так... Туфли? Туда же. Ага, вот джинсы, пара свитеров... Ну, можно еще брюки и блузку прихватить, так, на всякий пожарный.

Надо признаться, чемодан на этот раз я собрала на редкость быстро. И главное, он оказался полупустым и очень легким. Впервые!

Утром следующего дня, едва продрав глаза, я схватилась за телефон. Хотела купить билет до Калининграда на дневной рейс, но, увы, все места были проданы. Единственное, что мне оставалось, – лететь ранним утром следующего дня, а там, сразу же по прилете, нестись на вокзал встречать Клауса. Времени на то, чтобы забросить чемодан в гостиницу, у меня не было. Это, конечно, было весьма неудобно, особенно если принять во внимание, что в Калининграде я совершенно ничего не знаю. Да и самолет мог задержаться... Но у меня элементарно не было выбора.

Когда я прибыла в аэропорт, на улице было еще темно. Меня клонило в сон, и я то и дело клевала носом. Протолкавшись сквозь толпу каких-то азиатов в одинаковых дубленках и шапках, направилась к электронному табло, дабы уточнить время отлета. Рядом, расположившись на тюках и чемода-

нах, дремала кучка жителей Севера. Судя по тому, что у них был настоящий «пикник», я решила, что кучкуются они тут давненько. Ой, не дай бог, и мой рейс задержат! Слава богу, мой рейс вылетел вовремя. Сев в кресло, почти моментально уснула. Очнулась только тогда, когда стюардесса ленивым голосом объявила: «Наш самолет произвел посадку в аэропорту города Калининграда...»

За окном серело. Падал мокрый снег. На земле была натуральная каша из смеси снега и грязи. Посмотрев на это месиво, я поморщилась. Уж лучше трескучий мороз, чем плюсовая температура с такой кашей под ногами...

Трап долго не подавали. Народ, конечно, толпился в проходе, толкал друг друга сумками и пакетами. Но никто не возмущался – наш народ привычный и терпеливый. Да и что толку возмущаться? Можно подумать, от этого что-то изменится! Я подумала, что чемодан наверняка придется ждать долго... И не ошиблась. Сначала мы все, загнанные в маленькое багажное отделение, прилипли к окнам и наблюдали, как грузчики швыряют их в кузов грузовика. Эх, не завидую тем, у кого в чемодане было что-то бьющееся! Потом грузовик медленно подъехал к зданию, и чемоданы начали выкидывать на ленту транспортера. Минут через сорок я, отвоевав изрядно испачканный чемодан, вышла на стоянку такси.

– Куда? – справился какой-то коротышка в кожаной куртке, с непропорционально большой головой.

– На вокзал, – ответила я, чувствуя, как предательски про-

мокает сапог.

– Что, сразу на вокзал? – удивился тот и хихикнул. – Даже чайку не попьете?

– На вокзале попью, – без улыбки сказала я. – В буфете. Ну, сколько?

Названная цена меня вполне устроила. После московских казалось, что я еду даром.

– Далеко? – поинтересовалась я, усевшись на заднее сиденье не очень чистой иномарки.

– Полчаса, – ответил коротышка и завел двигатель.

Полчаса! Фантастика! Полчаса в Москве уходит только на то, чтобы дойти до своей машины на стоянке...

Надо признаться, дорога от аэропорта до города, хоть и заняла полчаса, была довольно тоскливой. В Москве, когда выезжаешь из аэропорта, как-то сразу попадаешь в поток машин.

Несутся машины, дымят шашлычные, сияют окнами придорожные кафе. А здесь – ничего. Поле слева, поле справа. Узкая дорога с редкими машинами. И какое-то странное чувство холодящего одиночества. Изредка попадались хозяйственные постройки, некоторые, как я догадалась, немецкие.

– Скучно тут у вас, – заметила я, глядя на серое поле с островками свалывшегося снега.

– Ну, это вам не М-аа-сква, – вроде как пошутил тот, глянув на меня в зеркало. – Мы народ попроще...

– Ну-ну, – промычала я и принялась рассматривать поля.

«Интересно, почему он решил, что я – москвичка? Только потому, что я прилетела самолетом из Москвы? А если бы самолет был из Пекина, тогда что?» – подумала я.

При въезде в город дорога резко... испортилась. Нет. Не подумайте, что до города она была идеальной. Но когда мы пересекли городскую черту, машина натурально запрыгала.

– Весело тут у вас, – заметила я, когда мы подскочили на очередной колдобине.

– Это еще нечего, – махнул рукой таксист. – Вот в Балтийском районе у нас действительно весело.

– Мне на вокзал, – уточнила я. – Не надо в Балтийский.

На привокзальной площади жизнь кипела. Тут и там, собравшись в кучки, стояли таксисты. Кто-то пил чай, кто-то курил, кто-то продавал девочек, несмотря на утренний час... Расплатившись с водителем, я посмотрела на часы. Было почти одиннадцать. Поезд Клауса прибывал через двадцать минут. Я поставила чемодан на колесики и зашагала внутрь вокзала, радуясь тому, что мой груз такой легкий.

На платформе было людно. Народ толпился, кутался в куртки, шубы, дубленки. Здесь же скучали носильщики с тележками. И все то и дело посматривали на часы, а потом в тоннель – не едет ли поезд? Через какое-то время невидимая дама объявила, что поезд из Берлина прибывает, и народ тут же активизировался. Еще несколько минут, и состав подкатил к перрону. К счастью, за вагоном номер семь бежать не

пришлось – он остановился почти напротив меня. Прислонив чемодан к скамейке, я стала вглядываться в толпу вновь при бывших.

Большинство пассажиров были немцами. Это легко определялось по одежде – перрон натурально запестрил всеми цветами радуги. Мы, россияне, одеваемся более... э... консервативно. В наших гардеробах, особенно зимних, преобладают темные цвета. От пестрых немцев у меня зарябило в глазах. А вот интересно, чем обусловлены столь разные взгляды на моду? Образом жизни? Жить у нас в последние годы стало вроде как веселей, по крайней мере, в этом убеждает статистика. А серый цвет и ныне там... И вот, в тот самый момент, когда я размышляла о цветах и жизни, я увидела ЕГО.

«Я помню чудное мгновенье, передо мной явился ты...» В том, что это был он, я не сомневалась ни на минуту. Он вышел из вагона с рюкзаком на спине и встал посреди перрона. В каждой руке у него было по чемодану. Оба чемодана были неприлично большого размера. Интересно, что он с собой привез в недельную поездку? Нет, ну действительно, что можно везти с собой на неделю в Калининград? Я понимаю, когда люди едут на отдых в места, где множество ресторанов, театров, выставок, баров. Для таких случаев полагается соответствующий гардероб – костюм, другой, обувь разная. Но в данной ситуации я откровенно не понимала, чем забиты его чемоданы. Тем более что, судя по его внешнему виду,

он не принадлежал к людям, которые беспокоятся, как они выглядят. Этот запросто приперся бы на прием к королеве в тулупе и валенках!

Он был не высокий и не низкий. Не красивый и не страшный. Никакой. Вот Ганс – он был просто некрасивый. У того крючковатый нос, бесцветные, злые глазки. А у этого какое-то все непонятное, расплывчатое, неопределенное... Нет, его не выдавала яркая, кричащая одежда. Выглядел он так, как выглядят наши бомжи. Стоит уточнить, что вещи на нем были не рваные и не грязные. К тому же наверняка дорогие. Но я всегда поражалась умению жителей Западной Европы умудриться надеть эти дорогие, качественные вещи так, что возникает желание подать милостыню. Это же как надо постараться, чтобы сделать из конфетки дерьмо? Это, пардон, с точностью до наоборот, как умение наших женщин сделать из дерьма конфетку. Вот идет дама, и думаешь, что она – звезда Голливуда. А у нее на самом деле колготки за три рубля, юбка еще бабушкина (зато как переделана!), курточка с турецкого рынка, умело расшитая бисером. И все это дело кокетливо и ненавязчиво сдобрено нежным шарфиком... Зато как преподнесено! А прическа? Любая американка подумает, что она только что вышла из супер-пуперсалона. Ан нет! Просто дама ловко накрутила свои кудри на самую обыкновенную родимую плойку (при этом умудряясь красить глаза в коридоре у зеркала под тусклой лампой) и умело залила свое изваяние самым стойким лаком на плане-

те – «Прелесь». И вот результат – красавица, глаз не оторвать.

Так вот, одежда его не выдавала. На нем были какие-то бесформенные серые штаны, непонятного цвета и кошмарного фасона ватник, на ногах что-то типа дутых сапог. А всю эту ужасную картину дополняла совершенно идиотская вязаная шапочка в полосочку, надетая почему-то только на одно ухо. Но под идиотской шапочкой было лицо, которое выдавало владельца этой шапочки. Бомжи так не смотрят. И рядовые наши сограждане не имеют такого выражения лица. Такого... как бы это правильнее выразиться? Идиотско-блаженного, вот! Он блаженно улыбался всем подряд, серыми глазками смотрел куда-то в пространство. Поняв, с кем мне придется иметь дело, я печально вздохнула и подошла к нему.

– Доброе утро. – Я протянула руку и выдавила из себя улыбку. – Я Рита. Вы, конечно, Клаус?

– Как вы догадались? – Он так изумился, что его белые брови заползли под края шапочки.

– Да вот так. – Я развела руками. – Надеюсь, это весь ваш багаж?

– Виесь.

– Ну и затарились вы на неделю, – заметила я, кивая на чемоданы.

– Что? – не понял тот.

– Много вещей, говорю... Что у вас там, консервы, что ли?

– Одежало, – сказал Клаус, несколько растягивая слова. – Здиесь постельный белье. Я слышал, что у вас в гостиница не очень чистый белье... Здесь немного еда.

Я с тоской смотрела на своего «подопечного» и хотела рыдать. Да лучше бы я год жила с Гансом под одной крышей, чем неделю сопровождала вот это чудо в поездке! Но деваться было некуда. Работа есть работа.

Вдруг возле нас возник лихой носильщик с тележкой.

– Господин изволит тележку? – спросил он, бегло сканируя Клауса взглядом. Клянусь, он видел насквозь его карманы. Но не был уверен, удастся ли заработать.

– Да, – деловито ответил тот.

Носильщик назвал цену за услугу.

– Так дорого? – возмутился иностранный гость.

Носильщик вылупил на немца глаза. Видимо, редко кто был недоволен ценой.

– А господин желал бесплатно? – хихикнул тот, еще не потеряв интерес к Клаусу.

– Да, – нагло заявил тот. – У нас в Берлине бес..

– Ну, господин хороший. – Носильщик перебил немца и развернул тележку. – Здеся вам не Берлин. Ауфедерзэйн!

С этими словами он исчез. А Клаус обратил ко мне свои бесцветные глазенки:

– Почему вы не вмешаться?

Я, признаться, опешила, не сразу нашлась что сказать.

– Но чемоданы ваши, – растерянно сказала я.

– Но я ваш гость!

Вот это заявление, вот это наглость в самом откровенном ее проявлении! Так, значит, наш немецкий господин хороший абсолютно уверен, что все будет бесплатно? Но я, позвольте, никаких инструкций от Жака по этому поводу не получала... Если бы это было действительно так, Жак непременно бы дал мне наказ типа «с подопечного денег не брать» или «все включено». Но раз никаких указов не было, значит, мелкие расходы – расходы «клиента».

– Что вы думать? – поинтересовался тот, явно недовольный происходящим.

– Я думать о том, что я ваши чемоданы не потащу, – просто сказала я. – До стоянки нам идти минут десять. Тащите сами.

– Я?

Мы уставились друг на друга с искренним изумлением. Изумление было обоюдным.

– А вы хотите, чтобы тащила я?

– Вы платить за тележку!

– Нет, – отрезала я, чувствуя, как закипаю от злости.

Пару минут мы молча смотрели друг на друга, потом Клаус вытащил телефон, отошел от меня подальше и принялся кому-то звонить. Через минуту до меня донеслось:

– Жак? Да, я...

Проходивший рядом со мной носильщик на минуту оста-

новился. Видимо, стал нечаянным свидетелем наших препи- раний.

– Иностранцы – они такие, – кивнул он на Клауса. – Осо- бенно немцы.

– Это точно, – согласилась я.

– Немцы, они самые такие, – продолжил тот. – Вот приез- жают наши из Сибири – народ щедрый!

И заплатят, и сверху дадут. А эти... И небось крутой ка- кой-нибудь?

– Да нет, – отмахнулась я. – Так, инженер какой-нибудь.

– А у них что инженер, что банкир – все жмоты, – хихик- нул парнишка и покатыл тележку дальше по перрону.

Когда он удалился, я повернулась к Клаусу. Я не была уве- рена, знал ли он, что немецкий я вообще-то понимаю, но крыл он меня по первое число. Надо же, какая зараза! Ока- залось, я была виновата не только в том, что не заплатила за тележку, но еще и в том, что в поезде был грязноватый туа- лет и грубая проводница... Потом, видимо, Жак сказал ему что-то типа «дайте ей трубку», так что, подойдя ко мне, он довольно грубо сунул трубку мне в ухо.

– Слушаю, – спокойно сказала я, беря телефон.

– Здравствуйте, Рита. – Жак был, как всегда, спокойнеее танка. – Что там у вас творится?

– Да вы не представляете! Он...

Жак слушал и не перебивал, что с ним бывало крайне ред-

ко. Потом довольно удивленно произнес:

– Странно... Обычно он легок в общении. Был, во всяком случае. Может, устал с дороги. Но очень вас прошу – молчите, улыбайтесь и не спорьте. Я его старый должник, поэтому эта поездка и поиски дома должны состояться. Не ссорьтесь. И не давайте воли нервам. Помните – для вас он безликий клиент. Ну, хорошо? Вы же умная девушка, а ведете себя как ребенок, право! Заплатите вы за эту чертову тележку! И за все остальное тоже, прошу вас...

Когда я передала телефон обратно владельцу, вид у него был такой, словно он только что покори́л Эльбрус.

– Носильщик! – крикнула я другому парню с тележкой, и тот бодро подрулил к нам.

– В каком отеле вы забронировали номер? – подавляя злость и неприязнь к «гостю», сквозь зубы спросила я по дороге к стоянке.

– Не знаю, – ответил тот, даже не удостоив меня взглядом. – Я сначала хотеть осмотреть отели...

– Вы предлагаете кататься по всему городу? – уточнила я, предвкушая, какой веселый денек мне предстоит. – В такую погоду?

– Да, – ответил Клаус. – У меня с собой список отелей Кенигсберга.

– Калининграда, – поправила я. – На карте нашей страны город значится как Калининград. Так что прошу любить и жаловать. Вашим Кенигсбергом он был тогда, когда был ва-

шим. А теперь он наш. А потому – Калининград.

На стоянке меня ожидал новый сюрприз. Клаус сказал, что данные машины его... просто не устраивают. Одна машина показалась ему слишком старой, другая была слишком грязной, а водитель треть ей не внушал доверия...

– Вы издеваетесь? – уточнила я, глядя на часы. – Мы уже полчаса топчемся здесь в ожидании чуда. Вы хотите лимузин? Белый? С розами? И шампанское?

– Нет, я хочу нормальный машина, – невозмутимо сказал тот, вовсе не придавая значения моим издевкам. – Я не имею желания ехать в плохой машине. У нас в Берлине все такси...

– Вам еще раз повторить, что здесь не Берлин?

Мое терпение лопалось, а нервы натягивались, как струны на гитаре. Я, как могла, старалась держать себя в руках и даже начала мысленно внушать себе, что я – спокойна... Но аутотренинг как-то плохо помогал – руки тряслись мелкой дрожью. Появилось очень ярко выраженное желание придумать этого «ревизора». Не знаю, чем бы все это закончилось, но на стоянке наконец появилась машина, которая пришлась Клаусу по вкусу.

– Вон этот – хороший машин, – сказал он, ткнув пальцем в «мерседес» черного цвета. – Мы поехать на этот машина.

Водитель мерса оказался не промах и заломил такую цену, что даже московские водилы удивились бы его наглости. Но

мне было плевать, сколько он просил. Даже если бы он запросил миллион, я бы заплатила. Лишь бы поскорее покончить с предстоящим просмотром гостиниц. Тем более что деньги не мои...

– Значит, будем кататься по отелям, – уточнил кругломордый водитель, не скрывая улыбки. Я бы на его месте тоже улыбалась – содрать столько денег! – Ну, поехали!

– Я сяду назад, – заявил Клаус и плюхнулся на заднее сиденье.

– Очень хорошо. – Я села впереди и взглянула на часы. Интересно, до ужина мы управимся?

Когда мы приехали в центр, я прилипла к окну. Меня поразило сочетание трех контрастных стилей – здесь чередовались старые немецкие здания, убогие хрущевки и новые, сияющие стеклом постройки. Было видно, что за городом пытаются ухаживать, я даже пожалела, что нынче не лето. Летом, наверное, было бы очень красиво.

Доехав до гостиницы «Х», таксист затормозил.

– Прибыли, – сообщил он, кивая на массивное здание времен социализма.

– Вы подождете? Как договаривались?

– Жду, жду, – довольно сказал таксист. – Вы платите, я жду...

Клаус вышел из машины, окинул здание изучающим взглядом. В том, что оно, здание, ему не понравилось, я уже не сомневалась. Морда у немца стала такой, словно он толь-

ко что съел лимон.

– Ужасный архитектура, – констатировал он.

– Вам какая разница, какая архитектура? – поинтересовалась я и вдруг поняла, что спокойна. – Главное, чтобы номер хороший был.

Но номер Клаусу тоже не понравился. Да и мне, чего греха таить. Нет, я бы, конечно, выпендриваться не стала, пожила бы и здесь. Во всяком случае здесь был туалет, горячий душ, телефон. Но Клаус наотрез отказался.

– Окно очень грязный, – сказал он, разглядывая огромное окно.

– Так оно с той стороны пыльное, – обиженно сказала администратор. – Зима все-таки. Кто сейчас окна снаружи мыть будет?

– И телевизор старый, – добавил Клаус, брезгливо глядя на действительно старый телевизор.

– Ладно, поехали дальше. – Я взяла его под руку и увлекла в коридор.

Хочу отметить, что список гостиниц, которые Клаус желал посмотреть, был у него. Он сам его нашел, составил и распечатал. Я перед поездкой тоже полазила во Всемирной сети, и у меня на заметке была пара мест, куда можно заглянуть. Но Клаус даже не пожелал слушать мое предложение. У него был свой план...

Следующим номером шла гостиница, которая размещалась в старом немецком здании красного кирпича. Снаружи

здание выглядело очень даже ничего. Клаус улыбнулся. Но внутри оказалось не то...

Потом были еще отели, и еще, и еще. Я потеряла им счет и уже даже не высказывала свое мнение. Только думала: «Боже мой, если у этого человека есть родственники и, не дай бог, жена и дети, то это – самые несчастные люди на свете! Если бы это был мой родственник, то либо отреклась бы от родовых связей с ним, либо просто задушила бы его ночью, пока он спит».

Наше катание по городу несколько затянулось, таксист стал волноваться.

– Э, – сказал он, стесняясь. – Тут вам натикало...

– Не переживайте, – успокоила я. – Заплатим, как договаривались.

И вдруг Клаус увидел то, что понравилось ему сразу. И снаружи, и внутри.

– Я так и думать, что этот гостиница самый хороший, – поделился он со мной своими догадками.

– Так почему же мы сразу не поехали сюда, а катались три часа по городу? – Я откровенно изумилась.

– Потому что я хочу все посмотреть и сравнить.

Когда Клаус решил поинтересоваться, сколько стоит номер, я вежливо отвела его в сторону и пропела:

– Пусть это вас не беспокоит. Расходы по проживанию господин Жак берет на себя.

– О! – Серо-голубые глаза засветились не поддельной ра-

достью. – Как это мило с его сто ро на!!!

– Ага, мило, – согласилась я. – Паспорт давайте...

Миловидная девушка-регистратор взяла паспорта и принялась заполнять что-то у себя в компьютере. Потом подняла голову и уточнила:

– Господин Клаус? Клаус Крюгер?

Клаус кивнул.

Покончив с формальностями, мы поднялись на второй этаж и разошлись в разные стороны. Я от усталости валилась с ног. Душ, постель и, может (может!), ужин – все, о чем я могла думать.

– Буду ждать вас внизу через час, – вдруг крикнул мне вдогонку Клаус.

– Зачем? – Я резко повернулась.

Он тоже повернулся и сделал несколько шагов по направлению ко мне.

– Как – зачем? У нас много дела. Нам надо найти улица.

– Вы в своем уме? – не выдержала я. – Я только что из Москвы! Мы катались по городу три часа, и теперь предлагаете мне идти на поиски? Как хотите, но сегодня я никуда не пойду. Завтра. Вам ясно? Все будет завтра. В десять утра внизу.

Резко развернувшись на каблуках, я быстро дошла до своей комнаты, открыла дверь, зашла внутрь. Нет, совсем чокнутый! На улице скоро стемнеет, а мы пойдем на поиски этого чертова дома! Сбросив пальто и сапоги, я рухнула на кро-

вать, с ужасом представляя завтрашний день.

Глава 2

Утро началось раньше, чем я планировала. Вчерашний перелет из Москвы, хоть и длился чуть более часа, утомил меня ужасно. Чертов утренний рейс! Был бы рейс дневной, я бы выспалась и чувствовала себя огурцом. Мечтая отоспаться, я предполагала подняться около девяти и потом приступить к делам. Но Клаус все переиграл. Он разбудил меня телефонным звонком... в семь. Подскочив в кровати, я не сразу поняла, что звонит, где я и что вообще происходит. На улице, конечно, было еще темно, а потому я подумала, что еще ночь. Хорошо, что на телефоне мигала красная кнопочка – эдакий маяк в кромешной темноте зимнего утра... Схватив трубку, я тихо сказала:

– Алло!

– Вы еще спать? – Голос Клауса звучал очень изумленно.

– Спать. – Я тут же проснулась и закипела от злости. –

Сколько времени?

– Уже семь часов.

– Да вы что? Надо же! И что вы хотите от меня в семь утра?

– Я голоден, – нагло заявил тот.

– Так идите на завтрак! – рявкнула я.

– Мне одному скучно кушать.

Я думала, что взвою. Да что же это такое! Ему, видите ли,

скучно кушать в одиночестве! И по этому поводу он без зазрения совести разбудил меня в такую рань и даже не извинился! Так, спокойно... Дышать глубже... Жак велел терпеть и улыбаться. Установка: данный объект – безличный. Обстоятельства – издержки профессии.

– Я через двадцать минут спущусь вниз и... с радостью составлю вам компанию, – сообщила я Клаусу и положила трубку на место.

Когда я спустилась вниз, застала Клауса возле стойки регистрации. Судя по выражению лица девушки за стойкой, стоял он тут давненько и достал ее капитально. Перед ним на стойке лежала развернутая карта города, он что-то спрашивал, тыкая в нее пальцем. Девушка натянуто улыбалась и отвечала.

– Наверное, это ваша подруга! – радостно сообщила она ему, увидев меня.

– Доброе утро, – поздоровалась я. – Изучаете город?

– Завтрак вон там. – Девушка ловко перегнулась через стойку. – Прямо по коридору, а потом налево. Хорошего дня.

Я удивленно взглянула на нее, она чуть заметно покачала головой, а потом, когда Клаус отвернулся, закатила глаза к потолку. Я ее хорошо понимала. И тут же пожалела себя – мне предстояло провести с ним целый день! Да не один, а несколько!

Завтрак с Клаусом оказался занятием не для слабонервных. Сначала он минут десять медленно и методично нама-

зывал масло на булку. Потом стал приспособливать сверху кусочек сыра, но ему поче му-то каждый раз не нравилось, как сыр ложился на булку, и он перекладывал его снова и снова... Потом он заказал омлет и высказал желание наблюдать, как он готовится. За пять минут, которые жарились два несчастных яйца, он умудрился дать повару несколько «дельных» советов – как перевернуть омлет, когда посолить и когда поперчить. Повар, молодой парень лет двадцати с небольшим, смотрел на него как на полоумного. Но молчал и жарил омлет, как того требовал клиент.

Когда наши чашки наполнили кофе, Клаус начал ковыряться в своей чашке ложечкой, пытаясь собрать пенку от молока. А когда наконец собрал ее, размазал по краям чашечки... Потом он долго рассматривал помидоры. Я спросила:

– Что вы там, интересно, ищете?

– В овощ может быть гусеница, – задумчиво сказал он, не отрывая глаз от кусочка помидора, крутя его на вилке в разные стороны.

– А... – протянула я, гадая, что будет дальше.

Но, к счастью, дальше ничего не было. На помидорах все и закончилось. Когда он сложил салфетку на столе и объявил мне, что он «готов», я облегченно вздохнула.

На улице уже светлело. Было холодно, но вполне терпимо. В Москве намного холодней. Небо нависало – серое, низкое,

давящее. Снег мог пойти в любую минуту.

– Ну, куда мы теперь? – справилась я у Клауса.

– Сначала мы идти на улица Кутузов. Там и есть дом моего дед. Потом, когда мы его находить, я хочу еще много что посмотреть. Также посетить театр, филармония и один выставка...

Я тихо присвистнула. Значит, на поисках дома эпопея не заканчивается. А если быть точной, после поисков только все и начнется. Начнется настоящее «веселье»! Театр, филармония, выставка... За что мне такое наказание?

– Хорошо. – Я постаралась не меняться в лице. – Пойдемте на улица Кутузов.

– Не надо меня дразнить, – заметил он, натягивая перчатки. – Нам туда.

До улицы Кутузова, а вернее, проспекта Кутузова было далековато. Но поняла я это не сразу. Сначала я думала, что это где-то тут, рядом, за углом... Но когда после получасовой пробежки в сумраке холодного влажного утра мы никуда так и не дошли, я аккуратно попросила карту.

– Я предлагаю взять такси, – сказала я, поняв, что пешком нам идти еще столько же.

– Нет, что вы? – Клаус так возмутился, словно я предлагала ему ехать туда на собаках.

– Почему?

– Я очень хочу осмотреть все.

Да, ответ короткий, четкий и не терпящий возражений.

Что уж тут поделаешь, если этот не нормальный немец желает «осмотреть все»? Мне ни чего не оставалось, как продолжать не самую приятную прогулку в моей жизни по незнакомому городу...

Но, как говорят, нет худа без добра. Я решила – раз уж от прогулки все равно никуда не денешься, то я буду рассматривать все вокруг. До этого я просто шла, уткнув нос в воротник пальто и глядя себе под ноги. Теперь же стала рассматривать здания, магазины, людей. И довольно скоро поймала себя на мысли, что этот город не совсем похож на то, что я видела ранее. Нет, я не берусь сравнивать его с городами Европы или тем более Африки и Азии... Но! По сравнению с другими российскими городами он был... каким же он был? Наверное, более ярким, более контрастным, более молодым, более кричащим, более интересным. Это касалось всего – и домов, и машин, и людей. Да, люди в Калининграде – отдельная история...

Мне все время казалось, что после Москвы человека вряд ли что-то может удивить. Но увы. Не права была, не права. Как-то кто-то очень давно говорил мне, что люди в Калининграде очень красивые. Особенно девушки. Помню, я тогда долго смеялась забавной шутке полупьяного выдумщика и, конечно, была уверена, что он откровенно заливает. Но теперь я могла сама лично в этом убедиться. Черт возьми, это правда!

Признаюсь – через какое-то время я перестала смотреть

на дома. Потом перестала отмечать красивые машины, которых тут оказалось просто неприличное количество! И стала натурально пялиться на девушек. Бог ты мой – зима, хмурое утро, то моросит, то не моросит, то ветер, то слякоть, а эти идут, что по подиуму дефилируют! А наряды? Нет, всем давно известно, что русские женщины одеваются ярко, броско, экстравагантно.

Но чтобы вот так... Несколько девушек, проплывших мимо меня, казалось, сошли с обложек модных журналов. Не могу сказать, что я не слежу за собой и позволяю себе выходить на улицу черт знает в чем. Но местные девушки вызвали у меня чувство какого-то необъяснимого восторга, смешанного с элементарной женской завистью. А уже через десять минут я почувствовала себя не кем иным, как гадким утенком из российской глубинки. Почему? Потому что переодеться я, конечно, всегда смогу. Но кто, простите, вытянет мне ноги? А эти бесподобные лица? Нет, это не русские красавицы с румяными щеками! В этих лицах было что-то другое. Какой-то необъяснимый шарм, уникальность, утонченность...

Так, разглядывая народ и размышляя над тем, почему они тут все, собаки, такие интересные и красивые, мы доковыляли до нужного нам проспекта Куту зова. В самом начале проспекта, на клумбе, разделяющей дорогу, красовался заснеженный бюст.

– Ну, вот она, улица, – облегченно сказала я, кивая на Ку-

тузова в снежной шапке.

Клаус достал карту и уставился в нее, изучая.

– Что видно? – поинтересовалась я.

– Нам в другой конец улица, – безразлично сообщил Клаус, сложил карту и сунул ее обратно в рюкзак. – Пойдемте.

Проспект Кутузова, однако, оказался просто очаровательным проспектом. Небольшие, очень аккуратные немецкие особняки с заснеженными крышами, огни новогодних гирлянд на окнах – все было похоже на какую-то старую добрую сказку.

От восхищения и поистине детского восторга я споткнулась и чуть было не упала. Клаус вовремя схватил меня под руку.

– Спасибо. – Я высвободила руку. – обойдусь без помощи.

Почти в конце проспекта Клаус сказал:

– Нам в этот переулок.

Ясно. Значит, дом еще дальше... Сейчас переулок, потом, скажет, еще проулок, потом еще что-нибудь.

Но, свернув в переулок, мы прошли буквально метров двести, и Клаус остановился. Глаза у него опять стали влажными, как вчера. Глядя на заснеженный особняк неопределенного цвета, он тихо сказал:

– Вот он...

Я окинула дом взглядом. Как ни странно, именно этот

особняк не отличался красотой и не казался сказочным. И гирлянд на окнах не было. Дом был давно не крашен – это бросалось в глаза. На окне первого этажа висела некрасивая тюлевая штора, которая к тому же была оторвана с одного конца. Мне показалось, что это кухня. На втором этаже одно окно было зашторено, а второе казалось таким грязным, что даже без шторы сквозь него вряд ли можно было что-то разглядеть.

– Вы уверены? – уточнила я.

– Абсолютно.

– Ну так пойдёмте, что же вы стоите? – Я потянула Клауса за рукав. – Пойдёмте постучим, представимся, объясним людям, что это дом вашего деда. Вы посмотрите дом и напишете в вашем дневнике, что ваш долг выполнен.

Но Клаус стоял не двигаясь. Потом крепко взял меня за руку и увлек за собой, в сторону от дома. Там стояла какая-то лавочка, и он буквально силой усадил меня в сугроб.

– Что такое? – возмутилась я.

– Слушайте меня внимательно. – Глаза Клауса вдруг заблестели, как у бешеной собаки, дыхание участилось. Он вцепился мне в плечи и потрянул пару раз. Я даже успела испугаться. – Слушайте, – повторил он, облизнув замерзшие губы. – Я вам сейчас все расскажу. Это – дом моего деда. Но мне не нужен дом.

– Вы что, чокнутый? – Я отстранилась от него и внимательно посмотрела в его горящие глаза. – А какого черта вам

нужно?

– Там, в доме, в подвале, остался тайник...

То, что он поведал мне далее, было похоже на нечто из серии фантастики. Вернее, не фантастики, а приключенческой книжки. Из его отрывистого рассказа следовало, что в далеком сорок пятом году Красная армия твердо и бесповоротно брала город. Народ бежал, кто куда мог, прихватывал, кто что мог унести. Дед Клауса не был особым богачом, но в семье имелись какие-то фамильные ценности, сервизы, часы, золото, картины... Унести все это добро с собой его дед и бабушка, конечно, не могли. А потому, следуя примеру соседей, закопали ценности... в подвале. Да, народ закапывал ценности в садах, в погребах, в подвалах. Закапывал потому, что верил: немцы вернуться. Ведь не могла же Красная армия прийти и остаться навсегда? Конечно, не могла. Ведь это Кенигсберг, это немецкий город! А потому все вскоре образуется, встанет на свои места, и они, жители, конечно, вернуться в свои дома. Тогда они спокойно достанут все свое добро, расставят его по местам там, и жизнь потечет как раньше. Но увы! Красная армия пришла и уходит вовсе не собиралась. Буквально в мгновение ока старый, могущественный изящный Кенигсберг стал советским Калининградом. А особняки раздавались главнокомандующими армией налево и направо. Приходи, занимай, живи...

– И вы думаете, что тайник вашего деда до сих пор там,

в подвале? – удивилась я. – Прошло шестьдесят лет! В доме живут и жили разные люди. Дом наверняка сто раз ремонтировали, красили. Неужели вы думаете, что за полвека никто не нашел ваш тайник?

– Я очень сомневаюсь, что дом ремонтировали, – заметил Клаус и внимательно посмотрел на дом.

Минут пять мы сидели в тишине. Он думал, я думала. Потом я развеселилась:

– Хорошо. Допустим, тайник еще там. Вопрос первый – как вы собираетесь это проверить? Вопрос второй – если вам удастся выполнить пункт первый и тайник там, как вы собираетесь его откапывать? Или вы решили сказать жителям дома: мол, простите, тут, у вас в подвальчике, мои фамильные драгоценности? Я их сейчас заберу, вы не против? Так?

– Конечно нет! – Клаус вскочил и зло посмотрел на меня. – Вы думаете, я дурак?

– Начинаю к этому склоняться, – призналась я, наблюдая, как он надувается и краснеет, словно индюк.

– Для этого вы будете мне помогать! – наконец заявил он.

О-ля-ля! От такого заявления я чуть не рухнула со скамейки.

– Знаете что, дорогой мой. – Я поднялась и ткнула его пальцем в грудь. – Моя работа заключается в том, чтобы сопровождать вас в поездке и помочь вам найти дом. Вуаля – вот ваш дом. Все остальное не в моей компетенции. Тем

более то, что вы мне сейчас предлагаете, это натуральное сумасшествие!

Клаус полез за пазуху за телефоном, но я опередила его:

– Не утруждайтесь, я сама позвоню господину Жаку. Ведь это вы ему собираетесь плакаться?

После третьего гудка Жак поднял трубку, а меня прорвало. Возмущаясь и размахивая свободной рукой, я не заметила, как дошла до конца переулка и чуть было не попала под черт знает откуда выскочившую машину. Водитель покрутил пальцем у виска и обозвал меня овцой. Прикрыв трубку, я ответила: «Сам козел!»

– Вы мне? – очень удивился Жак.

– Нет, босс, что вы. Тут один тип... Вернемся к делу. Вы знали об этом и ничего мне не скажали?

– Не знал, – задумчиво ответил Жак. Я ему поверила. Нет, конечно, он не знал. Иначе бы не тянул резину и не вздыхал в трубку.

– Ну так что? – Я уже теряла терпение.

– Дайте мне Клауса.

Я быстро вернулась к лавочке, на которой остался Клаус, и так же, как он вчера, сунула трубку ему в ухо.

Прижав телефон к уху плечом, Клаус взглянул на меня как-то тоскливо, даже умоляюще. Потом отошел на пару шагов и заговорил.

Говорили они довольно долго, минут десять. Судя по обрывкам фраз, долетавшим до меня, я поняла, что Жак дей-

ствительно ничего не знал. И в данный момент Клаус просто умолял его помочь. Этой «помощью» являлась я. Я же молила, чтобы Жак ему отказал. Но в то утро боги не услышали мои молитвы... Клаус протянул мне трубку. Я выхватила ее и сунула к уху.

– Рита, дорогая моя, – пропел Жак, а я мысленно выругалась. Я уже знала, что сейчас последует. – Я, поверьте мне, сам ничего не знал. Но тут уж такое дело – помогайте. Конечно, ваша оплата резко возрастает.

– Хорошо, – сухо ответила я и, не прощаясь, сунула трубку обратно в сумочку.

Клаус стоял в ожидании и смотрел на меня, как на Деву Марию. Я смерила его с ног до головы не самым добрым взглядом, а потом сказала:

– Значит, так, мин херц. Теперь парадом командую я, вам ясно? С этого момента вы со мной не спорите, не пререкаетесь и делаете все так, как говорю я. Иначе я просто умываю руки.

– Хорошо. – Он кивнул и протянул мне руку.

– Да уберите вы руку. – Я оттолкнула его. – Джентльмен нашелся...

Сразу после того, как я закончила разговор с Жаком, мой мозг включился и бешено заработал. За ту минуту, которую мы шли по дорожке дома до подъезда, в моей голове пронесся настоящий ураган мыслей и идей. Тайник, подвал...

Тайник, подвал... Думай, голова, думай... И, даже уже нажав пальцем на черную кнопку звонка первой квартиры, я не была уверена, о чем сейчас буду «петь» жильцам. Но когда дверь распахнулась и на пороге возникла бабушка лет семидесяти, с пуховым платочком на плечах, мой план был относительно готов.

– Доброе утро. – Я расплылась в улыбке и сразу сунула бабушке руку для пожатия. Та машинально пожала мою ладонь, что тут же «сблизило» нас обеих.

– Тут видите, какое дело, – вроде как стесняясь, начала я. – Я вас не отвлекаю?

Как же я могла ее отвлекать? Конечно, я никого не отвлекала. А она, глядя на меня и Клауса, уже сгорала от нетерпения узнать, кто мы и что нам надо.

– Вы из собеса? – спросила бабулька, хмуря белесые брови.

– Нет, нет. – Я отмахнулась и тут же перешла в атаку: – Этот господин – немец. Здесь, в этом доме, до войны жил его дед. Он всю свою жизнь мечтал увидеть этот дом...

Бабулька на меня больше не смотрела. Она откровенно рассматривала Клауса.

– Ма, кто там? – раздался очень неприятный мужской голос откуда-то из недр квартиры. А потом явился владелец голоса – полупьяный, давно не бритый, еще дольше не мытый мужчина неопределенного возраста. Лицо у него было характерного землистого цвета, глаза мутные. На тощем тор-

се болтались растянутые спортивные штаны. Плечи прикрывала замызганная майка.

– Чё надо? – поинтересовался он, увидев нас на пороге квартиры.

– Иди, иди к себе. – Бабушке явно стало стыдно, и она принялась толкать сына в спину.

– Не, а кто такие и чё им надо? – Тот ловко вывернулся и уперся рукой в дверной проем.

– Здравствуйте, – радостно поздоровалась я. – Вот, товарищ немец. В вашем доме жил его дед...

– А. – Мужчина улыбнулся, оголяя редкие гнилые зубы. – Тут теперь много таких приезжает. Ты, мать, это, пусти людей-то...

И нас пустили. Пустили в темный, плохо пахнувший коридор, где под закоптившимся потолком висела одинокая лампочка, а в углу стоял выдавший виды облупленный шкаф. Клаус обвел помещение взглядом, и мне показалось, что сейчас он потеряет сознание. Ему было тоскливо и печально, я это видела. Видела и понимала. Будь я на его месте, я бы чувствовала то же самое. Мне тоже было тоскливо, несмотря на то что мой дед здесь никогда не жил. Здесь было тоскливо по определению. И очень, очень грязно...

– Мать, ты на кухню людей приглашай, чего топчешься? – Мужчина, который носил царское имя Александр, взял дело в свои руки и принялся командовать.

– Да вы проходите, проходите, – засуетилась бабулька. –

Чайку сейчас поставим.

– Что вы, – застеснялась я. – Зачем чай, мы только дом глянем – и все...

– Чайку, – усмехнулся Александр. – Гостям с мороза нужен твой чай...

Наблюдая за хозяевами квартиры, я мысленно прорабатывала тактику поведения. Ну конечно! Водочка и закуска! В данной ситуации они решали полдела.

Мы прошли на кухню, такую же тусклую и тоскливую, как коридор. Шторка, которую я видела снаружи, висела здесь и вблизи выглядела еще хуже, чем на расстоянии.

– Присаживайтесь к столу, – сказала бабулька, топчась и, видимо, туго соображая, что ей стоит делать дальше.

– Значит, так, – обратилась я к Клаусу по-немецки. – Теперь мы с вами говорим по-немецки, по-русски вы почти не понимаете.

– Поче...

– Потому что я так сказала, – оборвала я его. – И вы будете делать вид, что ничего не понимаете, что мы тут говорим, ясно? Сейчас вы пойдете в магазин, что на углу. Купите бутылку хорошей, дорогой водки, какой-нибудь колбасы, тоже до рогой, пачку «Мальборо» и коробку конфет для бабули.

– Я? В магазин? – Клаус изумился так, словно я посылала его на Луну. – Я там никого не знаю!

– Я там тоже никого не знаю, – тихо сказала я и пристально посмотрела ему в глаза. – Вы хотите, чтобы я помогла вам

отыскать ваш тайник? Значит, молчите и делайте так, как я говорю.

– Ой, как вы хорошо говорите по-немецки! – Бабулька была поражена, меня зауважали.

– Да что там. – Я, вроде как смущаясь, махнула рукой. – Товарищ сейчас в магазинчик сходит быстренько...

– Что вы? Зачем?

– Мать, ну что ты лезешь, – буркнул на бабульку сын. – Раз надо человеку, пусть идет.

Конечно, подумала я, почувствовал, что сейчас будут наливаться на халяву...

Когда Клаус скрылся за дверью, я начала зондировать почву.

– И давно вы тут живете? – осматриваясь, спросила я.

– С сорок шестого, – ответила бабулька, наливая воду в чайник. – Я чайку поставлю.

– Мать, ты это, рюмки лучше принеси. – Александр выудил из шкафа бутылку водки, в которой на дне плескалось совсем немного огненной жидкости. – И огурчиков давай...

За двадцать минут, которые Клаус ходил в магазин, я узнала следующее: на первом этаже было две квартиры. В одной, где я и находилась в данный момент, проживала бабуля, Вера Петровна, и сын ее – Александр. Вера Петровна проживала в доме с самого «начала», с сорок шестого года, ранее тут был настоящий улей, но потом людей как-то расселили... Саша, сын Веры Петровны, насколько я могла видеть, был алкого-

ликом со стажем и, кажется, нигде не работал. Причем уже очень давно...

Во второй квартире на первом этаже жила одинокая дама по имени Таня. Даме было сорок пять лет, она давно развелась, детей не имела, работала на каком-то овощном складе, заводила много ухажеров и проживала в доме с восемью-десятью третьим года. Слушая даты, я искренне поражаюсь четкой памяти Веры Петровны. Я бы, например, ни за что не вспомнила, в каком именно году к нам в дом переехала Наташа Меркулова или, скажем, чета Барсуковых. Вера Петровна помнила все досконально.

На втором этаже, как выразилась Вера Петровна, жили «буржуи». Буржуев звали Оля и Рома Додохины. Почему буржуи? Потому что они купили аж две квартиры и сделали из них одну, теперь у них целых три комнаты и две кухни!!! Этот факт очень беспокоил Веру Петровну, было видно, что с Додохиными они не в особо дружеских отношениях.

– Ворюги, – зло сказала она, ткнув пальцем в потолок.

– Да ладно те, ма, завела пластинку, – довольно грубо оборвал ее сын. – Ну купили, ну две кухни, тебе-то что?

Вера Петровна еще что-то буркнула, но потом стихла.

– Вот так-то лучше, – заметил Саша и разлил остатки водки по стопкам. – Ну, за знакомство.

Я с ужасом взглянула на водку. Я? Утром? Водку? Но деваться было некуда. В данном случае, если я хотела завязать с Сашей теплые отношения, нужно было пить. Глубоко

вздыхнув, я подняла стопку и быстрым движением отправила ее в рот.

– Огурчик, огурчик, – засуетилась Вера Петровна, подсовывая мне тарелку с огурцами.

– Спа... спасибо, – чуть закашлявшись, поблагодарила я. А потом добавила для Саши: – Хорошо пошла!

Вернулся Клаус. Водку он купил обыкновенную, а колбасу дешевую. Но и это произвело на Сашу неизгладимое впечатление. Вера Петровна получила коробку каких-то конфет и, причитая: «Ой, не надо было!» – ловко убрала их в буфет.

– Когда мы будем смотреть дом? – спросил Клаус, глядя на стол.

– Не спешите, – улыбаясь, ответила я. – Вы куда-то опаздываете? Правильно, нет. Садитесь. Сначала надо принять приглашение от хозяев. К тому же я пока думаю...

Саша ловким движением открыл бутылку беленькой и поставил на стол еще одну стопку. Для Клауса. Клаус хотел было возразить, но я больно пнула его ногой под столом.

– Пейте и улыбайтесь. Иначе не видать вам ваших фамильных сокровищ...

Мы выпили еще по одной. Клаус покраснел, сморщился и, вытаращив глаза, запихал в рот целый огурец.

– Непривычный, – хихикнул Саша, похлопав того по плечу.

– Скажите, а Додохины пустят посмотреть? – спросила я Сашу.

– А чего не пустят? Нелюди, что ли? Пустят!

– А чердак и подвал общие? Или все поде лено?

– Общего давно ничего нет, – довольно крякнул Саша. –

У нас нынче капитализм! А на кой вам чердак и подвал?

– Ну как же? – Я сделала печальное лицо, а потом понизила голос и наклонилась поближе к Саше. – Весь дом принадлежал его деду. В подвале у него была мастерская. Он был часовщик. На чердаке он прятался от жены – играл в покер с друзьями... Понимаете? Такие детали...

– Ага. – Саша нахмурил брови и изобразил на лице полное понимание всей серьезности положения. – Чего ж не понять-то?

Выпив еще по стопке, я вежливо настояла, чтобы мы приступили к осмотру дома. Саша с тоской поднялся из-за стола – ему очень нравилось выпивать в компании немца.

Глава 3

Сначала осмотрели две комнаты, которые принадлежали Вере Петровне и Саше. Клаус осматривал комнаты и чуть не плакал. Нет, не от нахлынувшей на него вдруг волны чувств. От ужаса, который предстал его глазам...

Паркет лежал как рельсы. Доска есть, доски нет. Ну а цвет его уже много лет не поддавался никакому определению. На окнах были старые, еще немецкие рамы, но они не красились тоже очень и очень давно. Наверное, с того далекого сорок шестого года. На мебель я старалась не смотреть, но, когда она стоит перед тобой, трудно прикинуться слепой и делать вид, что ты ничего не видишь! Старый, убогий диван, застеленный выцветшей от времени и ужасов бытия накидкой, старый, громоздкий телевизор, буфет с треснувшим стеклом.

– Как они живут? Как свиньи! – поделился со мной своими впечатлениями Клаус.

Согласна, жилье наводило на тоскливые мысли. Но вот это «как свиньи» вывело меня из себя.

– Как могут, так и живут, – резко ответила я. – Не надо выражаться...

Клаус метнул в мою сторону пренебрежительный взгляд. В ответ получил взгляд уничтожающий.

Закончив с осмотром квартиры номер один, Клаус сказал:

– Я хочу смотреть подвал.

– Вы совсем дурак или прикидываетесь? – поинтересовалась я, когда мы вышли в коридор в сопровождении Веры Петровны и Саши. – Вы всем своим видом покажете, что там, в подвале, что-то есть. Что-то, что вас так сильно интересует. И это, соответственно, заинтересует остальных. Так что смотрите дом. Подвал будет на десерт.

Так, большой компанией, мы остановились перед дверью квартиры номер два.

– Таня сегодня дома, – уверенно сообщила Вера Петровна. – Я утром слышала, как она телемастера вызывала.

Я про себя усмехнулась. Как, интересно, можно слышать из другой квартиры, что соседка вызывала мастера? Ясно было одно – Вера Петровна подслушивает. И скорее всего, подсматривает. А что еще было делать бедной старушке?

Когда мне рассказывали о соседке Тане, я мысленно представляла ее. Как может выглядеть заведующая овощной базой сорока пяти лет, незамужняя и при денежке? У меня получилась следующая картина – невысокая, довольно полная, с приятным лицом, сильным макияжем, обязательно с розовой помадой на губах, блондинка в пестром цветочном халате, с крупными золотыми серьгами в ушах.

Дверь распахнулась, и на пороге возникла Таня. Выглядела она почти так, как я ее и представляла. Единственным, в чем я ошиблась, был цвет волос. Таня была выкрашена в огненно-рыжий цвет.

– Вы ко мне? – Она кокетливо вскинула вверх яр ко очерченные брови и мгновенно оценила Клауса.

– Танечка, – запела Вера Петровна, как кошка. – Тут вот немец..

При слове «немец» Таня втянула живот, что автоматически увеличило и без того пышную грудь.

– Тут дед его жил, – продолжила Вера Петровна. – Хочет дом посмотреть.

Таня распахнула дверь и буквально втянула нас в квартиру. Вера Петровна сделала робкую попытку перешагнуть порог, но Таня довольно резко сказала:

– Спасибо, Вера Петровна. Мы тут сами разберемся.

Саша, ковыряясь во рту зубочисткой, криво усмехнулся. Он так и стоял у стенки в коридоре. А потом сказал:

– Ну, зайдете потом. Подвал покажу...

Таня захлопнула входную дверь и смерила меня взглядом.

– А вы его жена? – тут же уточнила она.

– Нет, что вы. Я... Турагент. Помогаю. Он не женат.

– Ага. Это хорошо.

С этими словами Таня вцепилась в Клауса пышной ручкой и повлекла за собой.

– Тут кухня. Это вот комната... Да что у меня смотреть? Одна комната, и все...

Да, комната была одна. Но эта комната очень сильно отличалась от двух комнат соседней квартиры. Мебель новая, но очень уж громоздкая и яркая. Комната была заставлена от

двери до окна. На стене висел пестрый ковер. Заметив, что я посмотрела на ковер, Таня сказала:

– Персидский. Из Греции привезла. Там дешево. А то у нас, знаете, такие цены...

И, показывая «цены», Таня закатила ярко накрашенные глаза к потолку.

Иными словами, в комнате было слишком много всего. Какой-либо стиль отсутствовал в принципе. Было похоже, что это не жилая комната, а склад какого-то восточного базара. Оценивая жилище Тани, я думала.

Номером третьим и последним стало посещение квартиры «буржуев» Додохиных.

К моему удивлению, когда мы покинули квартиру Тани и вышли на лестницу, Вера Петровна уже была там. Дежурила.

– Ну что? – Она кивнула на Клауса. – Посмотрел?

– Посмотрел, – тихо ответила я. – Переживает...

– Так оно и понятно, – шепотом сказала Вера Петровна, сочувственно кивая.

Додохины, хоть и были буржуями, оказались довольно приятными людьми. На порог, правда, нас пустили не сразу – сначала выяснили, кто мы и зачем пришли. Проверили паспорт Клауса. А потом пустили, но, увы, опять не всех.

– Вера Петровна, вы подождите снаружи, – вежливо, но твердо сказала Оля и захлопнула дверь.

Пока она закрывала дверь, я видела совершенно расстроенное лицо Веры Петровны. Полное разочарование! Госпо-

ди, ей так хотелось побывать в этой квартире «буржуев» на втором этаже! А ее не пустили... Немудрено, что она подслушивает.

Додохиной Оле было на вид около сорока с небольшим. Это была довольно стройная, подтянутая шатенка с узким лицом и очень живыми глазами. Одета она была в спортивный костюм, и мне даже показалось, что она похожа на спортсменку. Говорила в основном Оля, а муж ее, Рома, просто присутствовал. Молча.

Рома был выше Ольги на две головы, тощ, как жердь, и очень рассеян. Он ходил за нами, и глаза его, казалось, блуждали, каждый сам за себя.

– Господин Клаус, случайно, не говорит по-французски? – спросила Ольга, показывая нам кухню.

– Нет, – ответила я за него. – Только по-немецки.

– Жалко, – пожала плечами хозяйка квартиры. – А я не говорю по-немецки.

«Буржуи» жили вполне нормально. И ничего супербуржуйского в квартире не было. Обыкновенное жилище людей с неплохим достатком – хорошая мебель, техника, шторы. Чисто и аккуратно.

– А как звали его деда? – вдруг подал голос Роман.

– Я даже не знаю, – растерялась я. – Сейчас спрошу.

Я перевела вопрос. Клаус почему-то задумался.

– Вы что, не помните, как звали вашего деда? – удивилась я.

– Вернер. Вернер Майдт, – ответил Клаус.

– Да? – Роман почесал в затылке и уставился куда-то в потолок.

– А что? – Ольга с интересом взглянула на мужа.

– Да просто так, – равнодушно ответил тот, продолжая смотреть куда-то вверх. – Странно...

Наконец пришел момент, которого так ждал Клаус! А именно – осмотр подвала.

– А вы знаете, в какой подвальной комнате зарыт ваш тайник? – тихо поинтересовалась я, когда мы в сопровождении всех пятерых жильцов дома спускались вниз по крутой лестнице.

– Да, – ответил Клаус.

Первый подвал принадлежал Вере Петровне и никакого интереса у Клауса не вызвал. Номером два шел подвал Додохиных, он также оставил Клауса равнодушным. Зато в подвале Тани немец заметно оживился. Оля сказала:

– Ну, раз мы больше не нужны, мы пойдем.

– Идите, идите, – ответила Вера Петровна, хотя обращалась она ко мне.

– Спасибо вам большое. – Я горячо поблагодарила пару «буржуев», и они покинули подвал.

Клаус зашел в небольшую подвальную комнату и принялся ходить от стенки до стенки. Мы внимательно следили

за его перемещениями. Потом он остановился, осмотрелся и, обнаружив в углу швабру, принялся стучать ею по полу. «Идиот», – пронеслось у меня в голове. Ну конечно, идиот! А кто же он еще? Схватил швабру, стучит ею, определенно что-то ищет. Сейчас, ровно через минуту, меня все хором спросят: «А что это он делает?» И что я должна отвечать?

Быстрее, чем я успела об этом подумать, вопрос прозвучал.

– Чего это он? – спросил Саша, глядя на Клауса с полным недоумением.

– Тш. – Я приложила палец к губам. – Не спугните...

На меня уставились три пары до крайности изумленных глаз. Даже Танины маленькие глазки округлились.

– Дело в том, – я понизила голос, – что его преследует навязчивая идея...

Когда моя пауза затянулась, баба Вера не выдержала:

– Какая?

– Видите ли... Дом этот действительно его деда. Это правда. Но Клаус страдает небольшим психическим расстройством...

Таня ахнула, и глаза ее тут же померкли. Ведь еще пару минут назад Клаус представлял для нее живой женский интерес! А тут я объявила о каком-то расстройстве...

– Нет, вы не подумайте, он не псих! – Я тут же поспешила успокоить Таню, тем более что нужный нам подвал был именно ее подвалом. – Все не так страшно...

– Короче, – сплюнув на пол, потребовал Саша. – Чё с ним?

Короче! Я была бы рада сказать что-то короче, но что я могла сказать? Конечно, я тянула резину, пытаюсь придумать хоть что-то относительно солидное, во что можно было поверить. Что-то, что могло объяснить его перемещения со шваброй по периметру подвала.

– Он уверен, что Гитлер жив, – вдруг ляпнула я и сама ужаснулась тому, что сказала.

– Что-о-о-о?! – воскликнули все хором.

– Он уверен, что во время войны Гитлер не погиб. Он думает, что тогда, когда в Берлин вошла Красная армия, он бежал из своего бункера по тайному подземному тоннелю. Он уверен, что бежал Гитлер сюда, в Кенигсберг, и что этот тоннель заканчивается здесь, в доме его деда.

– Гитлер бежал? – осторожно переспросила Вера Петровна почти шепотом.

– Да. – Я кивнула. – И Борман с ним...

Потом стало тихо. Так тихо, что я слышала, как тикают часы у Саши на руке. А Клаус все стучал и стучал... Потом, стукнув возле какого-то старого комода, стоявшего в углу, притих.

– Нашел, что ли? – спросила Вера Петровна, не сводя с него глаз.

– Наверное.

Во время всего этого спектакля я наблюдала за жильцами дома. Аккуратно так, исподтишка. Таня, по всей видимости,

никак не могла разобраться со своими чувствами. Ей было плевать на его деда, на Гитлера и на Бормана, на всех, вместе взятых. Ее интересовал Клаус. Она, как я понимаю, размышляла – сильно он вольтанутый или ничего, потянет? Ей очень хотелось закрутить с ним романчик, я это видела. Но мое сообщение о том, что у него не все дома, несколько расстроило ее планы. А потому она думала.

Вера Петровна плохо понимала, что происходит, и уж точно не думала о правдивости происходящего. Ей было просто интересно, не более. В ее скучной жизни давно ничего нового не происходило. И вот вдруг – немец, да еще и с приветом!

Саша... Вот этот алкоголик Саша меня настораживал. Он мне очень не нравился. Не могу объяснить почему. Он не был похож на простого пропойцу. Да он был нетрезв еще с утра. Да, он был немыт, небрит и нечесан. Но его глаза очень пристально и цепко следили за Клаусом. А когда я объявила о том, что он ищет тоннель, он мне не поверил. Нет, он ничего не сказал, но я видела. Я видела легкую, едва-едва заметную усмешку, тенью пробежавшую по его серому лицу. И готова была дорого заплатить за то, чтобы узнать, что он думал в тот момент.

– Ну что? – спросила я Клауса по-немецки.

Клаус повернулся.

– Здесь, – ответил он.

Его голос дрожал. И руки тоже. Швабра со ответственно. Глаза засветились, как у собаки ночью.

– Возьмите себя в руки и перестаньте трястись, как осина на ветру. Вы сами себя выдаете. Выходите, – сказала я. – Пойдемте наверх.

– Так нашел? – не успокаивалась Вера Петровна.

– Ну что вы пристааете? – вступилась Таня. – Говорят же – человек болен. Ему, возможно, кажется, что нашел...

– И что дальше? – Саша посмотрел на меня исподлобья. Глаза его говорили: «Кого ты, дура, тут паришь?» Во всяком случае, мне так казалось.

– Ничего, – тут же ответила я. – Сейчас поедem в отель, он успокоится...

– Так если он «нашел» тоннель, неужели он не захочет его посмотреть?

Нет, этот алкаш явно действовал мне на нервы. К тому же взгляд у него был хоть и мутный, но умный.

– Да бросьте вы. – Я старалась делать вид, что все в ажуре. – Когда он успокоится, я объясню ему, что у него навязчивая идея. Он выпьет свое лекарство и на какое-то время забудет о Гитлере. И о Бормане тоже.

– Вот же бывает. – Таня махнула пухлой ручкой. – Всякие у людей расстройствa. Ну, этот хоть не буйный. И лекарства пьет. Да и выглядит вполне нормально.

– Тебе одно надо, – как-то очень зло заметил Саша, скользнув по ее пышной груди похотливым взглядом.

– Это только тебе ничего не надо. – Таня не осталась в долгу. – Потому что неможется... А на «Виагру» денег нет.

Назревала «дружеская» перепалка, которая в данный момент была вовсе ни к чему.

Взяв Таню под руку, я увлекла ее за собой наверх. Остальные пошли за нами.

– Ну, спасибо всем большое. – Я поочередно пожала всем руки. – Надеюсь, теперь он надолго успокоится.

Пока я жала руки, в голове лихорадочно вертелся вопрос, который задал Саша: да, действительно, ну и что дальше? Ответа на этот вопрос я не находила. Если мы сейчас уйдем, что же потом?

Таня, однако, несмотря на все расстройства Клауса, не была расположена к столь скорому расставанию. Чем и спасла меня.

– Да что это вы сразу в отель? Заходите, по сидим...

Вера Петровна проводила нас тоскливым взглядом. Ей, конечно, очень хотелось, чтобы ее тоже пригласили посидеть, но увы... Саша подарил нам все тот же насмешливый, недоверчивый взгляд, отчего у меня остался весьма неприятный осадок.

Таня не скупилась. Из шкафа и холодильника извлекала все – колбасу, нарезку, сыр, салат... Когда стол был полон, Таня с глухим стуком поставила на середину бутылку мускатного шампанского.

– Ну, открывайте, что же вы? Я сейчас, пепельницу принесу.

Когда Таня скрылась за дверью, Клаус спросил:

– Что вы им там, в подвале, сказали? Я видел, что они странно смотрели на меня.

– Сказала, что вы ищете тоннель Гитлера, по которому он вместе с Борманом сбежал из Берлина в сорок пятом году.

– Что-о-о? – Клаус привстал с дивана и выкатил глаза из орбит.

– А что, по-вашему, я должна им была сказать? Вы схватили эту чертову швабру, принялись стучать... Или мне надо было сказать, что вы таким образом вызываете дух дедушки?

– Я не хочу есть, – тут же отрубил Клаус и демонстративно отодвинул от себя тарелку.

– Вы не только есть будете, но и пить. А еще вы будете оказывать нашей даме всяческие знаки внимания. Вам нужен этот чертов тайник?

– Да! – почти выкрикнул он.

– Тогда улыбайтесь и не отказывайте ей ни в чем! Не забывайте: тайник в ее подвале! И нам туда как-то надо будет попасть. Вы пейте, а я буду думать.

Вернулась Таня. Она проплыла мимо Клауса аки лебедь. Большого размера, правда. Но, несмотря на свои габариты, она старалась. Старалась вытянуть короткую полную шею. И стоит отметить, что у нее получалось.

Таня села рядом с Клаусом. Ясно, никакие расстройтва ее не волновали. Ее волновало, что он мужик, неженатый, к тому же немец, что в ее понимании значило: богатый одинокий мужик. А простыми словами – потенциальный жених.

– Вы кушайте, кушайте. – Таня заботливо положила на тарелку Клаусу колбаски. – Вон худой какой. Сразу видно – нет жены, не кормит... Бедняжка.. Вот, пропадают у них хорошие люди без заботы. И куда женщины смотрят? Ох, ох... А он по-русски вообще никак?

– Я немножко говорить, – очень коряво сказал Клаус, показав пальцами, сколько немножко он говорит. Таня просила. И тут же накинулась на него с вопросами.

Оставив парочку в комнате, я вышла в туалет. И тут же наткнулась на счетчик электричества, который висел в коридоре рядом с входной дверью. Но мое внимание привлек не счетчик, а ключ, который висел над ним на простом гвоздике. Ключ был на брелке, и я отчетливо помнила, что именно этим ключом Таня открывала подвал. Недолго думая я пошарила у себя по карманам. Единственным ключом, который у меня был, оказался ключ от номера в отеле. Отель? В отеле можно сказать, что я потеряла ключ. Что они сделают? Ничего, дадут новый. Быстро отстегнув ключи от брелков, я их поменяла.

– Надо же, как он разговаривает! – всплеснула руками Таня, когда я вернулась. – А я-то думала, что он вообще... это, не понимает. Ой, что же я, икру забыла!

Таня выскочила из комнаты и побежала за икрой.

– Станный вы, русские, народ, – задумчиво сказал Клаус,

отправляя в рот кусок колбасы. – Тут напоили, там накормили. И кого? Незнакомых людей!

– Это только у вас приглашают друзей в бар выпить, а потом говорят: «Вот ваш счет», – парировала я.

Клаус ничего не сказал. Его взгляд переключился на аппетитную нарезку, за которой он потянулся.

– Вы же есть не хотели? – заметила я.

– Захотел... – по-прежнему задумчиво сказал он.

Когда бутылка шампанского опустела, Таня стала настаивать на том, что надо открыть вторую. Но мне, честно говоря, уже очень надоели и Клаус, и Таня, а шампанское просто не лезло в горло.

– Нет, спасибо, Танечка, – вежливо отклонила я предложение хозяйки. – Нам действительно пора.

Выйдя в коридор, Таня переминалась с ноги на ногу. Ей очень не хотелось, чтобы все просто так закончилось. А нам так вовсе нужно было продолжение. Ведь через день-другой будет необходимо попасть к ней в подвал. Так что недолго думая я сказала:

– Через два дня у Клауса день рождения.

Клаус снова вытаращил глаза, но, встретившись со мной взглядом, принял нормальный вид.

– Да что вы? Вот же как! – Таня была безумно рада.

– Мы, наверное, будем где-то отмечать, – сказала я. – Я вам сообщу...

Глава 4

Вернувшись в отель, мы зашли в кафе и заказали по чашке крепкого кофе.

– Скажите мне, как вы собираетесь добираться до вашего тайника? – спросила я, когда принесли кофе.

Меня очень интересовало, как именно он представлял себе данную процедуру. Мне вся эта затея казалась неким сумасшествием. Во-первых, я на самом деле очень сильно сомневалась, что там, где он стучал, действительно что-то есть. Во-вторых, даже если там действительно что-то есть и нам удастся проникнуть в подвал, как именно он собирался долбить пол? А потом доставать то, что там, возможно, лежит, забирать, выносить... Все это следовало проделать тихо, не вызывая подозрений у соседей из близлежащих особняков.

– Вы будете его доставать, – пожал плечами Клаус, даже не взглянув на меня.

Сказано это было так просто, словно мне предстояло сходить в магазин и купить молоко.

– Да вы что? Больше вы ничего не придумали? – Я поставила чашку с кофе на стол и подалась вперед. – Знаете что, мин херц, вы явно забываете, что я – просто сопровождающая вас в поездке.

– Господин Жак говорил, что на вас можно положиться, – равнодушно ответил тот. – Говорил, что вы – профессионал

своего дела. А выходит...

Попадание было в точку. Он задел меня. Отчетливо понимая, что не стоит поддаваться эмоциям, я, конечно, тут же им поддалась. Что значит «а выходит»? Что, выходит, что я не профессионал своего дела? Да знал бы он, куда я пролезала и что доставала! Можно подумать, этот тайник – золотое руно!

– Хорошо, – сухо сказала я, вставая. – Мне надо подумать. Увидимся завтра утром. И настоятельно прошу вас – не беспокойте меня до девяти утра!

Вечером я измаялась от дум. Попасть в подвал было проще простого. Открыл дверь ключом, зашел вовнутрь. Но! Мне каким-то образом надо было устроить, чтобы в доме никого не было. Вообще никого. Иначе при первых же шорохах в подвале кто-то из жильцов дома обязательно спустится вниз – проверить, что там творится. День рождения Клауса? Неплохая идея. Но согласятся ли все прийти на праздник? Таня, конечно, придет. Он побежит впереди «именинника». Вера Петровна тоже пойдет – из любопытства. Саша побежит вприпрыжку – на халяву и уксус сладкий. Но вот согласятся ли Додохины?! Ладно, допустим, Додохины согласятся. Что дальше?

Дальше вся картина представлялась так: мы идем в ресторан. Все вместе. Потом, где-то через полчаса, я, сославшись на головную боль, исчезаю, оставив народ веселиться и вы-

пивать. Клаус будет со мной на связи по телефону на всякий случай, если кто-то из жильцов решит ретироваться раньше времени. Я возьму такси, доеду до переулка, аккуратно дойду до дома, проникну в подвал. Подвальное окошко надо будет предварительно заклеить чем-то плотным, чтобы свет не был замечен снаружи. А потом предстоит самое главное – раздолбить пол.

Пол в подвале Тани был выложен старой, еще немецкой плиткой. Плитка была уложена на совесть и, насколько я могла помнить, была даже без трещин. Хотя, возможно, это мне просто показалось. И наверное, это даже хорошо, что в подвале плитка. Плитку можно отковырять отверткой, ножом, с помощью молотка. А под плиткой обычно находится цемент... Иначе куда же ее кладут? А может, и не цемент, если там тайник? Ведь если люди впопыхах убегали от наступающей Красной армии, вряд ли они задержались бы для того, чтобы зацементировать пол.

Я лежала на большой кровати, глядела в потолок, мои размышления казались мне вполне логичными. Но казаться мне могло что угодно. Даже образ Девы Марии в сумраке за окном. Как все это будет выглядеть на самом деле?

Утром следующего дня принялись изучать список ресторанов. Супермодные клубы с казино и девочками нам не подходили – у нас был не тот контингент. Таня, конечно, пошла бы в любое место. Но, кроме Тани, у нас были бабуля, ал-

каш Саша и Додохины. Просмотрев брошюру с описанием увеселительных заведений и их адресами, я ткнула пальцем в ресторан под названием «Три медведя».

– Это то, что нам нужно, – сказала я Клаусу, вынимая телефон. – Русская кухня, танцы, публика среднего возраста.

– Там нет казино, – заметил Клаус.

Я опешила...

– А вы что, играть собираетесь?

– Ну, можно было бы...

Тогда я взорвалась. Нет, это просто черт знает что! Я ломаю голову над тем, как выудить из подвала чертов тайник, а он собирается играть в казино!

– Послушайте, дорогой мой, – сказала я, пристально глядя ему в глаза. – Вы забыли наш уговор? Я ведь могу позвонить Жаку и сказать, что плевала я на вас вместе с вашим тайником. Ну, кто меня заставит? Как вам такой вариант?

Сделать этого я, конечно, не могла. Я врала. Но он этого не знал. А потому нахмурился и пробубнил:

– Хорошо.

– То-то. – Я постучала пальцем по столу и встала. – Заплатите за кофе. Я вчера платила. Жду вас на улице.

Мы взяли такси и отправились осматривать выбранный мной ресторан. Но, прибыв туда, конечно, никого там не нашли – было еще рано. Охранник, сонный и недовольный, сказал, что администратор появится где-то к обеду. Так что

до обеда мы были вынуждены гулять.

Догуляли до центральной площади и вдруг, совершенно случайно, наткнулись на Рому Додохина. Он наскочил на меня, словно я была невидимой.

– Простите, – тут же отчеканил он, удивленно взглянув на меня. – Вы? Гуляете? Ага, это хорошо... А вы были...

Далее Додохин начал перечислять места, куда нам следует пойти. Но делал он это не как рядовой гражданин города, а как знающий человек. Говоря о том или ином месте, тут же давал маленькую историческую справку типа «Форт был построен в... году под руководством...». А потом добавлял: «Очень интересное место!»

– Вы, наверное, историк, – заметила я.

– Да, – ответил тот и указал на большое здание из красного кирпича. – Вот там я преподаю. Это наш университет. Я, кстати, очень интересуюсь историей города, людьми. Проводил исследования...

– Я замерз, – бесцеремонно заявил Клаус, перебив Додохина.

– Замерз? – улыбнулся Додохин. – Ну, не буду вас больше задерживать.

Когда Додохин убежал в сторону трамвайной остановки, я спросила:

– Вам не стыдно? Человек рассказывал вам о городе, а вы его нагло перебили!

– Он бы еще три часа рассказывал. – Клаус махнул ру-

кой. – Я и так вижу, что мне надо...

Мое отношение к Клаусу портилось с каждой минутой. Интересно, кем он себя возомнил? Или он просто нахал по природе? Гулять с ним до обеда было равносильно пытке. Но выбора не было. Поэтому мы наматывали круги вокруг центра, дабы не потеряться...

К обеду вернулись в ресторан. Администратор уже был на месте. И... обедал.

– Обождите тут, – довольно грубо сказал нам охранник, кивнув на диванчик в холле. – Владимир Яковлевич обедает.

Да уж, да уж... Что тут еще сказать? Вот в такие моменты я ненавижу Россию. Хотя нет, не Россию, а вот эту систему, накатанную дорожку хамства, наплевательства и еще черт знает чего. За время работы на Жака я прокатилась не по одной стране. ТАКОГО отношения к людям я не видела нигде. Наверное, это наша изюминка. Без нее нельзя. Нельзя не нахамить, нельзя обслужить, не заставив ждать, нельзя не нагрубить. Иначе будет как у всех. Но мы-то другие!

– В Берлине бы вас никто не заставил ждать, – заметил Клаус, послушно присаживаясь на диван и расстегивая свой ужасный пуховик.

Согласилась ли я с ним? Конечно нет. И хотя я сама ровно секунду назад про себя возмущалась ужасному отношению к клиентам, вслух я сказала:

– Это вам не Берлин. И вообще, что вы вечно сравнивае-

те? И видите вы, кстати, только плохое! Можно подумать, у вас в Берлине все работают без изъянов!

– Именно.

– Зато вы жадные! Это всему миру известно!

Охранник, сидевший на табуретке в углу и изучавший газету, поднял голову.

– Читайте, читайте! – прикрикнула я на него, непонятно отчего сильно разозлившись. – Что любопытствуете?

Минут через пятнадцать к нам явился администратор – маленький, круглый, лысый. Он был одет в серый костюм, который явно подгоняли по его круглой фигуре, и вытирал платочком вспотевшую лысину.

– Ну, что тут у нас? – спросил он, тяжело вздыхая.

– Мы, наверное, отрываем вас от работы! – с издевкой сказала я.

Но он ничего не понял. Продолжая вздыхать и изображать чрезмерную занятость, деловито осмотрел холл.

– Скажи Вите, пусть лампу вкрутит, – бросил охраннику. – Три дня как перегорела, а вам дела нет! Вы ко мне? Так, слушаю, слушаю...

Я встала, пожала его влажную, до ужаса неприятную ладонь и объяснила суть дела.

– Сколько человек, говорите? – переспросил тот.

– Семь, – повторила я.

– Так-так... Ну идемте, выбирайте себе стол. Завтра, так?

Выбрали стол, раскланялись, вернулись в отель. Оставив Клауса в номере, я отправилась за покупками. Мне нужны были отвертка, молоток, клей, фонарик и кусок плотной бумаги. Все это я нашла в магазине недалеко от отеля.

А вечером мы отправились приглашать жильцов на «день рождения Клауса».

– Если кто-то откажется, не забудьте соорудить обиженную мину! – инструктировала я Клауса. – Нам нужны все до единого!

Распахнув дверь, Таня чуть не обмякла в проходе. От радости. Тут же вцепилась в Клауса и легким движением втянула его в квартиру.

– Мы на минутку, – зашебетала я. – Вот, Клаус хочет пригласить вас завтра...

Таня, конечно, была согласна. Она несколько раз уточнила место, время и... кто еще будет. Услышав, что Клаус собирается пригласить всех жильцов дома, скривила губы.

– Ну ладно Додохины, – сказала она, морща лоб. – Но вот эти-то вам на кой сдались?

«Этими-то» были Вера Петровна и Саша. На кой они нам сдались, я объяснять не стала. Просто сказала:

– Клаус так хочет.

А с Клаусом Таня спорить не желала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.